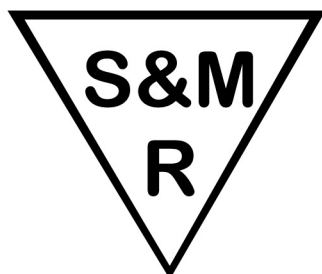

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
 ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

ТЕЛЕСКОП

Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований

Информационный партнер Санкт-Петербургской ассоциации социологов

основан в 1997 году

2012 — 05 (95)

E-mail: red_tel@mail.ru

<http://www.teleskop-journal.spb.ru>

Содержание

Генеалогия четырех первых поколений советских/российских социологов Борис Докторов, независимый исследователь.....	2
Конвергенция социальных систем — веление времени Владимир Фетисов, СПбГУ.....	18
Два взгляда на ситуацию в среднем образовании США: полевое исследование Джона Гудлэда против статистического анализа Марка Пена Вадим Семенков, Институт психологии и социальной работы	23
Песня про on-line панели Владимир Сократилин, ЗАО "Решение".....	28
Западносибирская семейная кухня: социологический подход Юлия Беспалова, Тюменский государственный университет.....	30
Проблема опережающего развития и научное прогнозирование в системе национальной безопасности России Алексей Ключев, БГТУ "Военмех" им. Д.Ф.Устинова, Дмитрий Копытов, Социологический институт РАН.....	37
Биографии российских социологов: самопознание и образ социологии Лариса Козлова, Институт социологии РАН.....	39
Борис Работ и страницы истории, которые нам еще предстоит узнать Борис Докторов, независимый исследователь.....	42

Редакционный совет:

Виктор Воронков

Центр независимых социологических исследований

Борис Докторов

независимый исследователь

Ирина Елисеева

Социологический институт РАН

Николай Скворцов

факультет социологии СПбГУ

Михаил Майор

Университет гражданской авиации

Роман Могилевский

Агентство Социальной Информации

Татьяна Протасенко

Социологический центр «Мегаполис»

Владимир Сергеев

исследовательская фирма «СНИЦ»

Николай Ядов

компания «Той-Опинион»

Учредитель и редактор — Михаил Илле

Издание выходит 1 раз в два месяца
 © «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований
 © Авторы публикаций
 Статьи публикуются в редакции авторов
 При использовании материалов обязательна ссылка на журнал и источник информации

Свободная цена
 Издатель - Михаил Илле
 Дизайн обложки : Владимир Сергеев
 Поддержка сайта: Константин Дивисенко
 Верстка: Алексей Илле
 Адрес редакции: Измайловский пр., 14, 508,
 тел. 316-21-62

Журнал зарегистрирован
 С-3 Региональным Управлением Комитета РФ по печати
 15 декабря 1996г. № П 2235, перерегистрирован 12.01.07
 свид. о рег. СМИ ПИ №ФС2-8436

Подписано в печать 15.10.2012. Формат А3 1/2,
 Усл. Печ. листов 6,5. Тираж 150 экз.
 Отпечатано в типографии ООО «КСИ»,
 СПб, пр. Обуховской Обороны, 11, оф. 12, тел. (812) 716-78-36

Борис Раббот и страницы истории, которые нам еще предстоит узнать

Борис Докторов

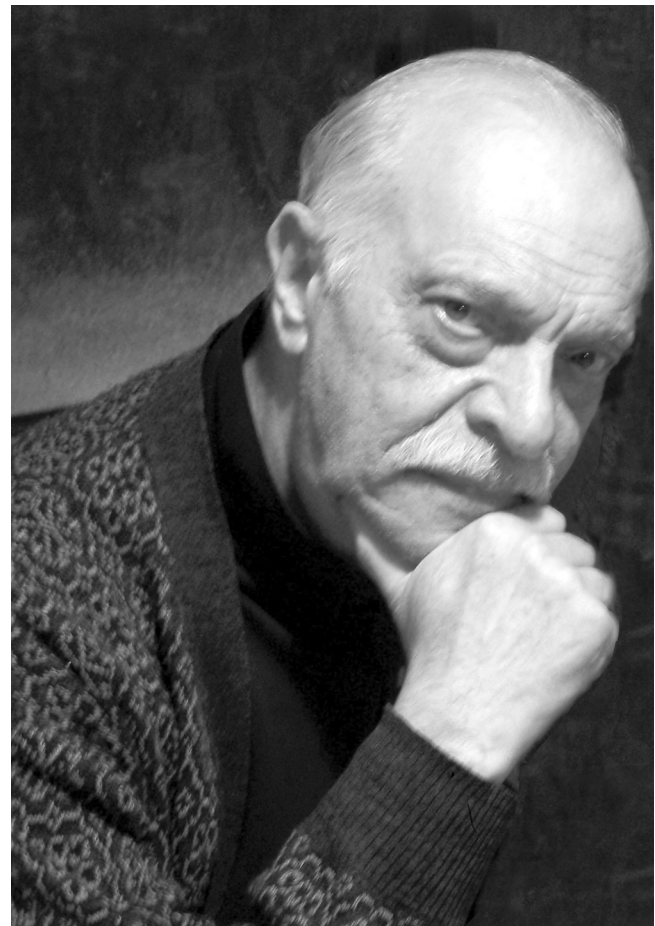
Импульсом к написанию и информационной основой настоящей заметки является вышедшая в Москве в начале этого года на русском и английском языках книга [1], знакомящая с биографией и деятельностью Бориса Семеновича Раббота (1930-2011). Сделано им как аналитиком социальных процессов, протекавших в советской и новой России во второй половине прошлого века, немало, но жизнь его сложилась так, что лишь совсем небольшое число социологов старших поколений — прежде всего — москвичей, помнят его. Книга содержит опубликованные и неопубликованные статьи и эссе Раббота, фрагменты интервью с ним, проведенного в 2008 г. Дмитрием Шалиным [2], а также вспоминая о нем его друзей. Составителями и редакторами книги выступили вдова Раббота американская писательница и переводчик Линн Виссон и его друг Василий Арканов — журналист и переводчик.

Цель, которую ставили перед собой составители книги, очевидна: познакомить читателя с Борисом Рабботом — человеком, социальным философом и политическим консультантом. На мой взгляд, им это удалось сделать. Книга вводит читателей в плотно закрытый и потому мало известный мир советской властной и научной элиты. Почти десять лет Раббот, будучи консультантом и помощником вице-президента АН СССР А.М. Румянцева, крупного ученого и партийного функционера высокого уровня, участвовал в выработке управленческих решений правительства. И потому мог наблюдать вблизи поведение представителей политического Олимпа. Более того, книга, рассказывающая о частном, как это нередко случается с работами историко-биографической направленности, заставляет задуматься об общем. О природе советского государства, характере его внутренней и внешней политики, а также о причинах и последствиях горбачевской перестройки. Причем подобные рассуждения возникают и при чтении биографии Раббота, и при анализе написанного им.

Мемуары и книги смежных жанров интересны многим. Знакомясь с судьбами других, люди пытаются переосмыслить собственное прошлое и по-новому взглянуть на годы, которые они прожили, вспомнить тех, кто встречался им на жизненном пути. В свете сказанного рассматриваемая книга будет интересна тем, кто помнит послевоенное время, события хрущевской "оттепели", годы косыгинских попыток усовершенствовать советскую систему хозяйствования, начало и закат брежневского периода и рождение перестройки. Но мне кажется, она вдвойне будет интереснее тем, кого интересует, как формировались первые поколения советских социологов и как рождалась отечественная социология. Во-первых, становление Раббота как личности и как социального аналитика проходило в той же социально-политической и нравственной среде, в которой "варились" ученые, известные сегодня всем как создатели советской социологии. Во-вторых, в силу своих служебных обязанностей и научных интересов он содействовал конституированию в СССР социологии и сам занимался теоретическими и прикладными социологическими исследованиями.

Но у каждого человека — своя жизненная траектория, по своему развивалась она и у Раббота.

Дороги, которые приводили граждан бывшего Союза в Америку (или в Израиль, Канаду, Германию, реже — другие страны) в начале 1970-х — конце 1980-х гг., многочисленны. Однако ясно одно, беспричинно никто не покидал Родину, дом, родных, друзей. В отдельных случаях доминировала одна веская причина, но, как правило, существовал комплекс копившихся годами объективных (политических, гуманитарных, культурологичес-

ких, профессиональных и пр.) и субъективных обстоятельств. Оставим в стороне случаи вынужденной эмиграции, когда гражданина СССР "выставляли" из страны. Здесь все предельно ясно: тюрьма или эмиграция. Или "психушка". Значительно чаще в указанный период люди покидали страну в силу накопившейся неудовлетворенности своей жизнью. Последнее, на мой взгляд, в полной мере относится и к Борису Рабботу.

Он родился в 1930 г., эмигрировал в Америку в 1976 г. и умер в 2011 г.; таким образом, момент эмиграции разделил его жизнь на два почти равных по продолжительности периода. Чисто "арифметически" бóльшая часть профессиональной жизни Раббота, оборвавшейся лишь с его смертью, протекала в США. Однако по важности сделанного им, по значимости вклада в политику и науку об обществе московский период, по моему мнению, много "весомее" нью-йоркского и, во всяком случае, представляет бóльший интерес для познания его личного мира и его деятельности. В Америке происходило естественное для ученого переосмысление, обобщение накопленного исследовательского опыта и жизненных впечатлений. Появилось то, что приводит к обществу с возрастом и открывшимися возможностями сравнивать сначала советскую и американскую действительности, а после 1985 г. — и постсоветскую реальность. Эмиграция изменила среду обитания и личную жизнь Раббота, но его научные интересы и гражданская позиция в основном оставались прежними.

Мать Раббота происходила из небогатой провинциальной еврейской семьи, в двадцатых годах она окончила Гнесинский институт и начала петь в Большом театре, но сорвала голос.

Она стала фармакологом; муж бросил ее во время беременности. Бабушка Бориса Раббота была очень верующей, в доме хранились религиозные книги, в частности, толкование Талмуда. Она учила внука по нему, до восьми лет он многое знал наизусть и неплохо читал на иврите. В интервью Шалину Раббот сказал: "После ее смерти постепенно почти все забылось, но что-то эмоционально в душе осталось. Я бы сказал, что это была некоторая интенция, которая меня толкала в сторону этой проблематики" [1, с. 38-39].

В краткой биографии можно было бы опустить упоминание о глубоко верующей еврейской бабушке и раннем знакомстве с религиозными книгами. Но в жизни Раббота этот сюжет — один из ключевых. Происходившее тогда сформировало ядро его ценностного мира и стало импульсом для профессионального самоопределения. И теперь, зная его жизненную траекторию, можно сказать, что именно тогда, в детстве он, конечно же, многого не понимая, оказался в начале дороги, ведущей в эмиграцию. Однако очевидно, что человек, вступивший на эту тропу, не обязательно проходит ее до конца. Думаю, что Раббот не покинул бы свою страну, если бы его профессиональная деятельность позволила ему в своей стране достаточно полно реализовать свой интеллектуальный и организационный потенциал и проявить свою гражданскую позицию. Но этого не произошло.

При получении паспорта он мог записаться русским по отцу, но, несмотря на протесты матери и родственников, в графе национальность указал "еврей". В условиях государственного антисемитизма конца 1940-х — первой половины 1950-х, да и в последующие годы дававший знать о себе "пятый пункт" Раббота затруднил его поступление на философский факультет МГУ, а позже — в аспирантуру и оказывался препятствием на протяжении всей его профессиональной карьеры. Вот, к примеру, воспоминания Раббота о трудоустройстве по окончании аспирантуры: "... в 1956-ом году (или в 1955-ом, точно не помню) вышел закон, по которому прежде чем защищаться [Б.Д.: защищать кандидатскую диссертацию], нужно было иметь печатные работы. Мы были первым поколением, попавшим под этот закон. Защищаться мы не стали, но ребята так или иначе устраивались на работу, а для меня, еврея, это была тяжелейшая проблема. Я помню, я вел список после студенческой скамьи, во сколько мест, в какие двери я стучался, чтобы устроиться, и где получал отказ, хотя знал, что там, куда я ходил, были вакансии. В первом случае это было, по-моему, что-то около 250-ти адресов (я записывал не для статистики, а чтобы иметь адреса), а после аспирантуры количество мест, которые я исходил, было около трехсот" [1, с. 36].

Дух семьи, по воспоминаниям Раббота, своеобразно отразился на его интересах; произошло не только знакомство с иудаизмом и еврейской культурой, но и со сферой социального; а отсюда — философия и социальные науки. По его словам, именно от истории христианства и иудаизма он пришел к пониманию коммунизма. В студенческие годы его тянуло к советской политике, но, начиная с третьего курса, он больше занимался западноевропейской философией. Обучаясь в аспирантуре, он разрабатывал ряд аспектов философии Лейбница и одновременно преподавал социальную философию. Несмотря на долгие поиски, работу по специальности ему не удалось найти, но в 1959 г. он стал завотделом нового журнала "Наука и религия". Издание вскоре стало весьма популярным, и во многом его "лицо" определялось Рабботом; его интересовали вопросы религии, он хорошо писал и успешно овладел редакторским искусством. Журнал был создан по инициативе ЦК КПСС, и Рабботу пришлось осваивать новую для него роль — консультировать по вопросам религии партийных функционеров высокого уровня, участвовать в выработке государственной политики в отношении религии и церкви. Однако в 1965 г., обвинив его в потере идеологической бдительности (была такая формулировка в те годы), Раббота выставили из журнала и сделали все, чтобы он никуда устроиться не мог. Ряд своих жур-

нальных статей Раббот включил в сборник "50 слов о вере и неверии", увидевший свет в 1966 г. [3]. По тем временам то была очень смелая книга.

Но друзья помогли, они представили и рекомендовали его Румянцеву, члену ЦК КПСС, который на посту вице-президента АН СССР отвечал за развитие в стране всего комплекса общественных наук. Его значительные властные полномочия дополнялись многолетними дружескими связями со многими ключевыми фигурами в Кремле. Занимая высокие посты в системе власти, он придерживался либеральных взглядов относительно путей развития советской экономики и активно помогал людям с неортодоксальными для того времени политическими воззрениями, например, А.Твардовскому, М.Гелфтеру, Р.Медведеву. По мнению Раббота, Румянцев фактически был лидером либеральной оппозиции, особенно после провала экономических реформ и событий "Пражской весны". Когда Румянцева освобождали от всех его высоких постов, формулировка в выговоре гласила: "За либерализм".

Понятно, что Румянцев мог позволить себе сотрудничать лишь с человеком, в котором он видел серьезного профессионала, инициативного и ответственного работника, придерживавшегося либеральных взглядов на политику, экономику, общественное устройство в целом, которому полностью доверял. Сам Раббот так характеризовал их отношения: "Я был для него одновременно и помощником, и другом, и душеприказчиком, поэтому он и советовался. Понимал, что я к нему очень хорошо отношусь, что я искренне желаю ему добра" [1, с. 49].

Круг обязанностей Раббота был весьма обширен и включал подготовку, вместе с небольшой командой интеллектуалов, документов по многим направлениям внутренней и внешней политики СССР, а также — по развитию академической науки. После обсуждений с Румянцевым все направлялось в Политбюро, Совет Министров, отделы ЦК КПСС, некоторые предложения вставлялись в доклады Л.Брежнев, А. Косыгина, других ответственных партийных и государственных работников. Кроме того, Раббот писал множество текстов, которые публиковались и докладывались на научных форумах Румянцевым. С одной стороны, это приносило Рабботу определенное удовлетворение, ибо под своим именем он многое вообще не мог опубликовать. С другой, конечно же, в нем копилось внутреннее напряжение, усиливалась обида на "верха" из-за постоянной "эксплуатация его мозгов" и необходимости соблюдения строгого режима секретности в работе.

В исследовательском плане многое из того, что делалось Рабботом в журнале "Наука и религия" и на посту консультанта Румянцева, можно отнести к социологии, возникшей в СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Возможно, видя это, Румянцев привлек Раббота, который одновременно был ученым секретарем президиума Академии наук по общественным наукам, к деятельности по созданию академического Института конкретных социальных исследований (ИКСИ), сейчас — Институт социологии РАН. Институт открылся осенью 1968 г. и это стало знаковым событием в современной истории советской / российской социологии.

Академик Румянцев был назначен директором нового института, Раббот создал и возглавил сектор экспериментальных ситуаций. Его интерес к этой проблематике был следствием участия в разработке концепции косыгинской экономической реформы. Раббот не сомневался в перспективности данного направления социологии. Уже первые исследования показывали, что при проведении экономических реформ придется решать серьезные социальные проблемы, такие как массовая переквалификация рабочей силы, перемещение значительных групп населения в мало освоенные регионы страны, создание системы социального обеспечения безработных. В 1970 г. Раббот одним из первых в стране защитил кандидатскую диссертацию по теме социального эксперимента и предполагал двигаться дальше. В том же году ИКСИ была издана его книга "Проблема эксперимента в социальном исследовании" [4]. В конце

лета 1971 г. была в целом завершена докторская диссертация "Специфика социального эксперимента".

Но ситуация в стране изменилась, планы на реформы были свернуты. Румянцев был освобожден от должности директора ИКСИ, сектор Раббота — распущен, в защите докторской диссертации было отказано. Невиданное по тем временам произошло с книгой. Сначала новое руководство института намеревалось сдать тираж в утильсырьё, но потом решило сжечь книгу в институтском дворе на костре. Я не знаю, сколько экземпляров этой книги сохранилось в библиотеках и домашних архивах, но не думаю, что много; ведь ее тираж был 980 экземпляров. Прочитав о такой судьбе книги Раббота о проблемах эксперимента, я попросил Линн Виссон сканировать весь текст, и сейчас, благодаря поддержке Ф.Э. Шереги, книга выложена на сайте <www.socioprognoz.ru>. Несколько лет назад я опубликовал статью, названную "Рассказ о книге, которой нет", то был анализ книги Я.С. Капелюша о выборности на производстве, весь тираж которой пустили под нож [5]. Теперь предстоит написать "о книге, которую сожгли". Так постепенно к нам могут вернуться книги, без которых невозможно глубокое понимание отечественной социологии.

Как замечает Раббот: "Это был последний мощный удар" [1, с. 53], к тому же он "устал от еврейского вопроса" [1, с. 54]. Из ИКСИ ему пришлось уйти, он проработал два года в Институте истории естествознания и техники АН СССР, занимаясь социологией науки, потом — пару лет пробыл в статусе "отказника" (не давали разрешения на выезд из страны). И — отъезд, 1976 г.; больше он в СССР/России не был.

В книгу включено около десятка эссе Раббота, написанных в 1977 — 2010 гг., а также даны названия курсов лекций, которые он вел в 1986-1991 гг. в Колумбийском университете (Нью-Йорк), отдельных докладов, прочитанных в правительственных структурах США, университетах и исследовательских центрах. В них он также предстает как аналитик социальных и политических процессов в Союзе и новой России. Сейчас хранящиеся в его доме документы, рукописи, другого типа материалы переданы в Архив Бахметьева (The Bakhtmeteff Archive) в Колумбийском университете.

Когда этот текст был почти закончен, я попросил В.А. Ядова прочитать его. Для меня была ценной любая его реакция, так как при его участии и на его глазах современная российская социология родилась и свыше полувека развивается. Кроме того, он был знаком с Рабботом и потому мог оценить созданный мною его "портрет". Ядов написал: "О Рабботе, думаю, ты написал вполне объективно. Было бы интересно познакомиться с его текстами о политиках высокого ранга" [6].

В рассматриваемую книгу включен ряд ранее публиковавшихся и не публиковавшихся текстов Раббота "о политиках высокого ранга": "Что стоит за увольнением Подгорного", "Открытое письмо Л.И.Брежневу", "Политик в футляре. О вкладе Алексея Косыгина в развитие России и политику детанта". Отдельно отмечу эссе об академике А.М.Румянцеве, это довольно значительный по объему фрагмент из неопубликованной книги "Московская элита: Невидимые политики Кремля".

Но это, явно не все. Линн Виссон любезно прислала мне Лист документов, переданных в Бахметьевский архив. Со многим из хранящегося теперь в США было бы полезно ознакомиться исследователям советской политики и историкам российской социологии. Назову некоторые из материалов:

Неопубликованные лекции: "Anti-Chinese Motivations of Soviet D'tente" (Антикитайская мотивация советской политики детанта); "The Soviet Foreign Policy Mind: Psychological Portraits of Soviet Leaders" (Мир советской внешней политики: психологические портреты советских руководителей); "Soviet Listeners' Reactions to Foreign Radio Stations," (Реакции советских слушателей на иностранное радиовещание). Неопубликованные статьи: "Internal Influence Groups and USSR Foreign Policy" (Группы влияния и советская внешняя политика); "Soviet Domestic

Reactions to Kissinger's Foreign Policy," (Реакции Советского союза на внешнюю политику Киссинджера); "Исторический урок в комнате смеха"; "American Sovietology and Soviet Americanology" (Американская советология и советская американистика). Различные документы и переписка: Дело о романе В.А.Кочетова, "Чего же ты хочешь?"; Дело либерального историка Михаила Гелфтера (включая письмо М.А. Суслову) и его коллег (1969-71); Запись разговора в ЦК Клубы между Карлосом Рафаэлем Родригесом и замдиректора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР И.В. Дудинским и секретарем советско-кубинской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству В.И. Бондарчуком; памятная записка о новой модели социализма в Чехословакии, написанная М.В. Келдышем, А.М. Румянцевым и др.; переписка А.М. Румянцева; дело А. Я. Гуревича по поводу его "либеральных" публикаций по русской истории и т.д.

В целом, прочтение рецензируемой книги, изучение биографии Раббота и ознакомление с его работами дает основание для двух выводов историко-социологического значения.

Прежде всего, Раббот может быть назван одним из первых советских социологов, разрабатывавших проблемы социального эксперимента. Кроме того, допускаю, что анализ документов, которые готовились им для высшего уровня партийного и государственного руководства (уверен, историками социологии это будет сделано), по сути, являются пионерными исследованиями по социологии политики. Наконец, его очерки и эссе о Брежнев, Косыгине, Румянцеве и ряде других представителях власти — это опыт социологического изучения властной элиты.

Второй вывод соотносится с тем, что каждый исследователь входит в историю науки не только как "суверен", с собственным кругом проблематики и уникальным стилем деятельности, но и как представитель определенного поколения ученых. В моем понимании, индивиды совершают прорывы в системе знаний о мире, но наука делается поколениями. В разрабатываемой мною концепции советских / российских профессиональных поколений первое поколение объединяет тех, кто родился в 1923-1934 гг. и кто вошел в социологию "самоучками". Социологии нигде и ни у кого не учился. К этой весьма небольшой по численности группе принадлежит и Борис Раббот.

Литература

1. Борис Раббот: Шестидесятник, которого не слышали. Статьи. Интервью. Воспоминания / Составители Л. Виссон, В. Арканов. — М.: Р. Валент, 2012. — 368 с., илл.; Boris Rabbot: An Unheeded Voice of the 1960s. Articles. Interviews. Reminiscences / Compiled by: Lynn Visson, Vasily Arkanov. — Moscow: R. Valent, 2012. — 358 p., ill.
2. Борис Раббот: Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке (Интервью Дмитрию Шалину). 2008 <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rabbot_08.html>.
3. 50 слов о вере и неверии [Текст] : мысли и афоризмы / сост., авт. предисл. Ю. Я. Коган, сост., авт. предисл. Б. С. Раббот. — М.: Знание, 1966.
4. Раббот Б.С. Проблемы эксперимента в социальном исследовании. Институт конкретных социальных исследований АН СССР. М.: 1970 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=268>>.
5. Докторов Б. Рассказ о книге, которой нет. (Я.С. Капелюш "Общественное мнение о выборности на производстве") // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 15-19 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893665366675file.pdf>.
6. Электронное письмо В. Ядова Б. Докторову от 1 октября 2012 г.

Социология вчера, сегодня, завтра. V Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Эйдос, 2012. — 624 с. Илл.
ISBN 978-5-904745-23-3

Сборник содержит доклады 5-х социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства, которые состоялись в Санкт-Петербурге 22-24 марта 2011 года.

В виду того, что в феврале 2011 года исполнилось 45 лет Первого всесоюзного симпозиума по социологии, который проводился в Ленинграде, мы решили посвятить пятые чтения этому историческому событию. Поэтому основная проблематика чтений была сформулирована следующим образом: «45 лет признания ленинградской социологии. Куда мы идем?»

Тем не менее, структура чтений осталась традиционной и включала следующие тематические секции:

1. Социологические теории сегодня.
2. Методологические проблемы социологического исследования.
3. «Ретроспектива» (или «Что стоит взять в будущее из прошлого?»).
4. Повседневные практики нового времени.

Сборник адресован социологам, историкам, политологам, а также студентам гуманитарных и обществоведческих специальностей.

Сборник вышел в стандартном (бумажном) формате. Имеется и электронный вариант (Формат: 140 x 205 мм.. PDF 4 Mb)

